

того, что Константин VII, составляя 20 лет спустя свой трактат о внешней политике, остается верен союзу с печенегами. Однако новая ориентация византийской внешней политики, намеченная в начале X в., была продолжена в течение следующего периода: в 944 г. Византия доверила поддержание порядка в понтийском районе русским, хорошо знающим эту страну⁴⁵. Поэтому исключительные знаки внимания, оказанные Ольге и ее свите во время двух больших приемов в 957 г., означают, по нашему мнению, завершение медленной политической эволюции, в ходе которой в конечном счете должен был пострадать союз с печенегами. Делая официальным новое место, занятое Русью в иерархии государств середины X в., Византия лишь подтвердила роль, которую было призвано сыграть молодое Киевское государство в причерноморских степях. Случай для этого вскоре представился: русские Тавриды под угрозой натиска хазар или печенегов действительно призвали на помощь не византийцев, а русских из Киева, более близких им по образу жизни⁴⁶, а главным образом, думается, потому, что поддержание status quo в этих районах отныне было вверено киевским князьям; и в этом же ряду следует поместить поход Святослава против хазар в 964 г.⁴⁷

Присутствие священника Григория в русской делегации объясняется легко. Как и его собрат Гавриил, а веком раньше Константин-Кирилл и Мефодий, Григорий входил в ту категорию дипломатов-клириков, которых императорский двор часто использовал для ведения дипломатических переговоров. Григорию, вероятно, было поручено разработать с русскими такую систему взаимоотношений, в которой их государство должно было бы играть главную роль. Таким образом, прибытие в Константинополь представительного русского посольства находит свое оправдание — санкционировать приглашение, подготовленное Григорием, и торжественно признать главное место, отныне занимаемое Русью в дипломатической обстановке в Северном Причерноморье. Но для этого с русской точки зрения было необходимо заключить официальный, т. е. матримониальный, союз.

В самом деле, варварские князья рассматривали личный союз с правящей династией как признание Византией их суверенных прав: в 913 г. Симеон Болгарский снял осаду Константинополя, получив обещание, что одна из его дочерей выйдет замуж за императора Константина, обещание, которое императрица Зоя не сдержала, что вызвало вторжение Симеона во Фракию и взятие Адрианополя⁴⁸. Лиутпранд, епископ Кремонский, прибыл в 968 г. в Константинополь, также домогаясь руки одной из принцесс для сына императора Оттона I, но получил высокомерный отказ⁴⁹. По этому вопросу позиция императорского двора была определена самим Константином VII в сочинении «Об управлении империей», где он решительно осуждает браки членов императорской семьи с варварскими правителями, среди которых правители хазар, венгров и русских более всего к этому стремились⁵⁰. Поэтому не удивительно, что Константин ни слова не говорит о русском проекте. Зато воспоминание об этом проекте могло сохраниться в Киеве и дойти до составителя свода 1096 г. в фантастическом виде, конечно, благоприятном для русских. Действительно, настолько же невероятно, что вдовой Ольге было сделано предложение о браке с женатым императором, насколько правдоподобно,

⁴⁵ Ahrweiler H. Les relations entre les Byzantins et les Russes au IXe siècle. — Association internationale des études byzantines. Bulletin d'information et de coordination. Athènes; Paris, 1971, 5, p. 68—69; Eadem. Byzance: les pays et les territoires. London, 1976.

⁴⁶ Ahrweiler H. Les relations entre les Byzantins et les Russes, p. 69.

⁴⁷ Vernadsky G. Op. cit., p. 43.

⁴⁸ Obolensky D. Op. cit., p. 108—109.

⁴⁹ Liutprand, évêque de Crémone. Relatio de legatione Constantinopolitana/Ed. par I. Bekker. Hanover, 1915, p. 184.

⁵⁰ DAI, p. 70—73.